

Так вы не из Витебска?

В Третьяковской галерее открылась выставка Шагала под названием «Здравствуй, Родина!»

Независимая. — 2005. — 3 марта. — с. 7

Григорий Заславский

В Инженерном корпусе Третьяковской галереи открылась выставка Марка Шагала. Называется — «Здравствуй, Родина!», сами организаторы называют экспозицию огромной, крупнейшей, хотя на выставке — меньше 200 картин, правда, из них 27 представил парижский Центр Помпиду, другие — из Музея Марка Шагала в Ницце, из тех картин, которые Шагал завещал Ницце и будто бы даже просил никогда и никуда их оттуда не вывозить. Здорово, что привезли. Жаль, правда, что при подготовке крупнейшей экспозиции не удалось собрать под одной крышей более или менее «полного» Шагала из российских собраний, — из ГМИИ, из петербургских музеев, да даже и Третьяковку, кажется, выставила далеко не все. Что, вероятно, можно объяснить тем, что выставки Шагала одновременно проходят в разных концах света, по несколько в год (чему поручкой и высокая работоспособность мастера, совсем чуть-чуть не дожившего до столетия и сохранившего любовь к кисти и краскам до последних дней).

Недостаток (если кому-то без малого двухсот покажется мало) картин компенсируется выставленными тут же письмами Шагала в Третьяковскую галерею, репортаж о его посещении Третьяковки в начале 70-х. В центре выставки — эскизы Шагала для оформления Еврейского театра, которые, справедливости ради, нельзя назвать открытием именно этой экспозиции (во всех отношениях, так как ничего интересного про Шагала они «не говорят»).

Смысл названия понятен, хотя такая вот бодрая афиша

Герои Шагала счастливы в воздухе.

«Влюбленные. Прогулка». 1917 г.

искусстве второй половины XX века.

Что же до печальных мыслей, они, как ни странно, рождаются во время путешествия среди веселых, переполненных счастьем картин Марка Захаровича. Которому не скучно было всю жизнь простоять с поднятой вверх головой, чтобы не пропустить ни одного сколько-нибудь значимого полета. Торжество духа над законами всемирного тяготения,

скалы, и все на нем выжжено, выбелено солнцем, — бело-серого и светло-серо-желтого камня). А у Шагала — по-прежнему летали те же коровы и петухи, и Париж был таким же зеленым, синим и красным, как Витебск (это, к слову, должно было бы расположить к нему тех, кто не жаловал заграничку).

Любопытно, что герои Шагала счастье испытывают над городом, в лучшем случае — за-

шинство — нет. А у Шагала счастье было неизменным и всеобъемлющим, как победа мировой революции. Правда, всегда оно было над землею, а не на земле. Чтобы поймать его, надо было подняться в небо, хотя бы на высоту поднятой руки.

Шагал. В отличие от собственной его судьбы его возвращение на более или менее историческую родину (где Витебск и где мы?) можно поделить на этапы или эпохи. Было время, когда мы знали его только по альбомам, которые стоили баснословно дорого, зато продавались почти во всех букинистических Москвы. Было время, когда мы «изучали» Шагала по стихам — «Василькам Шагала» Вознесенского или печальным — Рождественского: «Он стар и похож на свое одиночество, ему рассуждать о погоде не хочется, он сразу с вопроса: «А вы не из Витебска?» Пиджак старомодный на лацканах вытерся...» Хотелось пожалеть художника и даже помочь ему вернуться в Витебск. Можно еще вспомнить большую выставку Шагала в Пушкинском музее в 87-м, если не изменяет память.

Так что дорога домой для Шагала — это путь из ГМИИ имени Пушкина в Третьяковскую галерею.

У Шагала счастье неизменно и всеобъемлюще, как победа мировой революции

располагает к невеселым размышлениям. Третьяковская галерея, вероятно, намекает на то, что — говоря словами другого великого еврея-эмигранта — «не зарыли и не пропили». В смысле: все сохранили. И не просто сохранили, а теперь готовы открывать заново и свои запасники, а равно — предлагать свое знание и понимание. В Инженерном корпусе — Шагала, на Крымском валу — «Бубновый валет», а также и «Сообщники», красочный рассказ о советском неофициальном

торжество обращенной вовне, наружу, в необозримый космос, идиш-культуры.

В Витебске он как будто не видел всех ужасов творившегося вокруг разрушения, буквально — погромов, шире — безвозвратного исчезновения мира еврейского местечка, в Сан-Поль-Провансе — не замечал приморских красот, иссякания цвета (к примеру, кладбище, на котором похоронен Шагал, кажется, все, с самой первой могилы, вырублено, выщерблено из белой

бравшись на крышу, где никто не мешает пикировать на старенькой скрипке. Может быть, потому евреям Шагала так хорошо, что им посчастливилось подняться в воздух? Как бы ни велика была жизнь Шагала, пришлося она на не самые веселые времена для европейских его соплеменников. В жизни приходилось прятаться по подвалам, подниматься со своих мест, собирая нехитрый скарб, и отправляться на поиски счастья. Кто-то, конечно, находил, боль-